

АСОНОВ Николай Васильевич — д.полит.н., к.и.н., профессор; заместитель заведующего кафедрой политологии и социологии Московского педагогического государственного университета (119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1; nbassonov@yandex.ru)

ОБЪЕКТИВИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Аннотация. В статье приводятся размышления автора по поводу новой книги А.А. Пелипенко, раскрывающего истоки и специфику глобального кризиса и анализирующего на этом фоне возможный вектор развития Запада. Автор полагает, что этапы зарождения данного кризиса и роль в нем Запада заслуживают серьезного внимания, и подходить к их изучению следует с позиций объективизма, уйдя от идеологических мифологем.

Ключевые слова: политическая идеология, объективизм, цивилизация, Запад

В 2014 г. в издательстве «Знание» вышла в свет новая книга известного российского ученого и художника Андрея Анатольевича Пелипенко «Глобальный кризис и судьбы Запада». Комплексность решения сложнейших проблем современности, без которой нельзя добиться достаточной объективности в научных выводах, не только помогла исследователю раскрыть новые творческие горизонты перед обществоведческими науками с позиций синергетики, но и поставила много вопросов перед читателем, заставляя его переосмыслить заново некоторые прописные истины. Хотим мы того или нет, но приходится признать, что на наш выбор конкретной системы ценностей и целей в значительной степени влияет та культурная среда, в которую нас поместили со дня рождения и в которой мы были вынуждены «вариться». Эта составляющая нашего понимания мира в его широком и узком смысле слова представляет собой некий «бульон». Повара-идеологи начинили его необходимыми приправами, взятыми из политической теории и придающими характерный мировоззренческий аромат любым погруженным в него телам. Но помимо поваров-идеологов, обрабатывающих общественное сознание в пользу той или иной политической силы, в этом процессе всегда присутствует наше собственное «я», включающее два чрезвычайно важных компонента: способность к аналитическому мышлению и силу воли, которой лишены другие биологические виды, вынужденные подчиняться исключительно голосу инстинкта. Думается, вместе они являются продуктом деятельности всего нашего мозга и не связаны с преобладанием или ослаблением роли его конкретного полушария. Но чем качественнее эти два компонента по своей природе, тем лучше они работают. И тот, у кого они лучше работают, способен покинуть первый уровень политической социализации, предполагающий доверительное отношение к навязываемой обществу идеологии, и выйти на второй уровень. Здесь требуется серьезная критическая оценка тех ценностно-целевых установок, которые разработали и в которые решили нас «погрузить» участники властных отношений, заинтересованные в дискредитации идеологической аксиоматики своих идейных противников. На этом уровне человек наделяет себя дорогостоящей свободой сознательного выбора идеологического «бульона». Тогда он либо остается в прежней среде, либо, «переваривая» себя заново, освобождается от ненужных идеологических приправ, пропитавших его на первом уровне политической социализации.

Однако таких людей всего около 10–15%, и в рамках любой политической системы, особенно той, которая принята сейчас на Западе и реализуется в нашей стране, они практически не опасны для конкретных носителей власти. Ведь необычайно возросший с XX в. тотальный идеологический нажим господствующей политической силы, опирающийся на широкий набор политических технологий и сопутствующих им ресурсов власти, воздействуя на сознание подавляющей части общества, парализует ее собственную волю, не позволяя выйти на второй уровень политической социализации. В результате вся эта масса голосует за тот вектор социально-политического развития и ту систему ценностей, что была ей навязана путем постоянного «вываривания» в котле политических иллюзий.

Характерная установка на доверие всегда использовалась и используется для утверждения в сознании потенциальных выборщиков самых разных социально-политических мифологем, и в этом смысле позиция А.Ф. Лосева, утверждавшего, «что мир, в котором мы живем и существуют все вещи, есть мир мифический» [Лосев 1990: 395], безусловно, верна. Политическая идеология здесь выступает неотъемлемой частью такого мира, помогая обслуживать латентные функции власти. Они не оглашаются обществу, подобно явным функциям, способствуя реализации подлинных, а не мнимых интересов тех, кто поднялся на политический олимп. И чем больше степень расхождения между такими функциями, тем нестабильнее социально-политическая обстановка. Но коль скоро сложившаяся нестабильность стала проявлять себя в глобальном масштабе, значит, тот путь, который предлагает самая популярная в развитых странах Запада идеология, ориентируя на построение правового государства и гражданского общества, носит ложный характер, работая на своекорыстные латентные функции соответствующей власти.

При этом «мир мифический», формально оставаясь как бы в стороне от практики политической жизни, используя власть, создает весьма причудливую в своей противоречивости амальгаму. В ней декларативное и реальное, имея свое сослагательное и согласительное наклонение, не смогут создать рабочую модель «золотой середины», гармонично увязывающей теоретические прожекты участников властных отношений с процессуальным характером самой власти. А то, что практика политической жизни всегда уводит власть в сторону от вектора декларативных лозунгов, заставляя постоянно подновлять не оправдавшие себя идеологические мифы, лишний раз доказывает несбыточность любых учений о «светлом будущем», рисующих нам прекрасное, бесконечно самосовершенствующееся коммунистическое или гражданское общество.

Кардинально исправить ситуацию и предложить иной путь развития мирового сообщества рекрутированные действующей властью аналитики не могут, ибо большинство их «выварено» в нужном ей идеологическом «бульоне». Они либо не способны замечать, либо сознательно не замечают те самые «больные» места, создавая подчас лекарства более опасные, чем сама болезнь. В этом заключается одна из важнейших причин глобального кризиса и нежелания ведущих участников властных отношений «говорить с каждым на его собственном языке». Здесь же содержится объяснение того, почему, по мнению А.А. Пелипенко, «экспертное сообщество явно не справляется с задачами осмысления масштаба и характера общемирового системного кризиса» и не может «выработать эффективных стратегий его преодоления».

Таким образом, приведенные рассуждения позволяют согласиться с тремя главными причинами означенных явлений, выявленными А. Пелипенко. Первая заключается в отсутствии адекватной теоретической основы и в ограничении сферы анализа краткосрочными исследованиями. Вторая представляет собой феномен психологической инерции, не позволяющий западным интеллектуалам отойти от утвержденных принципов и моделировать реальность за их пределами. Третья состоит в выработке прав абстрактного понимания человека и нежелании аналитической мысли выйти за эти рамки. Все это вместе привело к разрыву между прагматико-релятивистскими подходами и примитивной метафизикой «общечеловеческих ценностей».

Из этого следует, что либеральная модель, как и любая другая умозрительная модель перестройки социально-политической системы, не может быть исключением из общего правила. Ибо, как справедливо отметил А.А. Пелипенко, ценности либерального гуманизма не могут быть вечными и должны рано или поздно уступить свое место другим. Но он почему-то полагает, что это будет тот недостающий и недоработанный в предыдущие века ценностно-целевой набор, который в перспективе меритократия (власть достойнейших) увяжет с идеей «духовного возрождения». Его оптимистический прогноз покоится на вере в «неизбежный раскол западной цивилизации на консервативную часть, до конца цепляющуюся за логоцентрические ценности: религиозные, социальные, политические и прочие, и динамическую, входящую в новый культурно-цивилизационный синтез» [Пелипенко 2014: 203, 219].

Таким образом, делается попытка на место одного доброго мифа из области социально-политического хилиазма поставить другой, опирающийся на учение о прогрессивном поэтапном развитии долей головного мозга у человека. Ибо благодаря этому развитию, полагает А.А. Пелипенко, постепенно сформировались четыре типа «культурного субъекта», определивших все социально-политическое бытие человечества со времен первобытного общества до наших дней. Это индивид, логоцентрик, личность и «новая естественность», представители которой являются носителями «цифрового сознания».

В ключе изучения полушарий человеческого мозга как важного двигателя социально-политического бытия работает философ И.Л. Андреев, ставший последователем Р. Сперри и его учения о цивилизационно более молодой левой полусфере головного мозга, позволившей человеку совершить культурно-эволюционный скачок. Для него, как и для Н.Н. Брагина с Т.А. Доброхотовой, является вполне очевидным, что, опираясь на философскую антропологию и эволюционную психиатрию, можно также подойти к выявлению роли пространственно-временных представлений как естественно-биологических предпосылок ключевых социальных институтов власти и собственности. Изучение биологических истоков власти и церебрально-психологических аспектов всемирной истории И.Л. Андреев также начинает с первобытного общества и доводит его до наших дней, по-своему излагая мысль А.А. Пелипенко о том, что «компьютер перевернул ситуацию и статус индивида». В итоге «в современном мире неизменными становятся сами изменения, носящие все более глубокий и тревожно непредсказуемый характер» [Андреев 2012: 95]. Поэтому в сложившейся ситуации «роль адекватного творческого сознания в этих процессах» становится первичной.

Однако, в отличие от Д.А. Лебедева, который чуть ранее А.А. Пелипенко оптимистично оценил перспективы развития мирового сообщества, уверовав в неизменное развитие человеческого мозга, способного вывести нас через институты взаимопомощи на уровень нравственной глобализации мира [Лебедев 2012: 73], И.Л. Андреев не спешит строить аналогичные прогнозы на будущее. С его точки зрения надо совершенствовать имеющиеся формы социально-политических отношений и не изобретать новые фантастические модели управления. В своей осторожности он близок к позиции, занятой по этому вопросу А.И. Соловьевым, подвергшим резкой критике как «достаточно непродуманную и отдающую ароматом бытовой рефлексии» [Соловьев 2011: 108] концепцию С.С. Сулакшина о скором переходе от правового и социального государства к «нравственному государству», на пороге которого «сегодня мы стоим».

Но как бы ни спорили между собой эти авторы, взяв на вооружение натуралистическую парадигму с ее верой во всемогущество человеческого мозга или даже парадигму политическую, они упускают из вида действие законов объективной реальности.

Но, встав на позиции объективизма, не стоит забывать о законе ограниченности материального мира во времени и пространстве. Все в нем, включая живую и неживую природу, равно как и природу социально-политических отношений, развивается по определенной синусоиде. Она состоит из стадий зарождения, развития, расцвета и неизбежно наступающей затем стадии деградации и гибели (смерти). Поэтому любая схема жизнедеятельности мирового сообщества и его отдельных структурных элементов в виде цивилизаций, государств и народов, должна вписываться в эту синусоиду, а не просто представлять собой ленту времени, уходящую в мифическую бесконечность. Тогда независимо от использования формационного или цивилизационного подхода к пониманию истории человечества и сопутствующих ей властных отношений мы каждый из этапов разместим на условной синусоиде жизни.

Сложность будет заключаться только в определении места современных событий на этой синусоиде. Если нарастающие год от года глобальные проблемы современности, с которыми мировая цивилизация не может справиться, рассматривать как симптом ее предсмертной агонии, тогда человек Нового времени, именуемый у А.А. Пелипенко «личностью», должен соответствовать зрелости, следующей к своему закату. А носителя «цифрового сознания», идущего на смену «личности»,

следует уподобить старости, наделенной массой неизлечимых болезней, за которыми стоит его скорая гибель. Аналогично этому выстраивается оценочная синусоида основных социально-политических изменений, в диалектике которых расцвет человечества приходится на период Средневековья, а болезненный закат, связанный с гниением и скорым мировым концом, следует отнести к эпохе Нового и Новейшего времени и порожденной ими системе ценностей и целей, опираясь на которые Запад должен первым рухнуть и потянуть за собой всех остальных. Вот почему движение любой цивилизации за Западом ускоряет ее деградацию, подводя раньше срока к гибели. Поэтому, чтобы оттянуть на достаточно длительный срок смерть России, надо вспомнить, что она является не «охвостьем» романо-германской цивилизации, куда нас активно тянут многие политики и ученые, а центром славяно-православного мира со своей вполне достойной системой ценностей и целей.

Но, выходя на уровень объективизма, нельзя забывать, что совершенства в этом мире нет и не будет. Это проявляется не только в ограниченности наших умственных способностей, но и в недостатке информации. У нас нет возможности видеть всю картину окружающего нас бытия, тем более бытия в его историко-политическом развитии. Поэтому, опираясь на отрывочные данные о процессах, протекающих в интересующих нас областях материального мира, мы можем только предполагать, но не предвидеть дальнейший ход событий в их частных проявлениях.

Подводя краткий итог размышлениям о книге А.А. Пелипенко, хотелось бы остановиться на некоторых наиболее ярких ее аспектах. Прежде всего, несомненной заслугой автора является выработанный им новый подход к раскрытию причин глобального кризиса и ведущей культурно-исторической роли Запада. Наиболее рельефно это представлено при анализе США как авангарда цивилизации «личности», где «идеология нелиберализма преобразовалась в своего рода идеократию». Думается, что гендерный подход придал этому свою изюминку. Ведь постлогоцентрическая и постличностная культура в большей степени ориентированы не на мужскую, а на женскую ментальность с ее тягой в первую очередь к материальным ценностям, ставящим личностные (в лучшем случае – семейные) ценности выше национальных, государственных и религиозно-духовных. В итоге современный обыватель оказался слишком эгоистичным и развращенным. В обществе потребления богом стал «комфорт, и нет таких целей, ради которых он был бы принесен в жертву». Интересно, что похожие выводы были сделаны К. Марксом в его «Письмах к еврейским рабочим», в которых он подверг резкой критике гражданское общество именно за то, что эгоизм являет собой его принцип, «а деньги – ревностный бог Израиля, ...стали всеобщей, в себе самой конституировавшейся стоимостью всех вещей». Таким образом, А.А. Пелипенко явно поспешил, объявив все аналитическое наследие этого мыслителя несостоятельным.

Кроме того, непонятны, скажем, причина взрывного развития левополушарных способностей у одних народов и способ распространения этих способностей как доминирующих на других. Как и почему с середины XX в. наступила исчерпанность левополушарных когнитивных стратегий? Примерами из культуры здесь обойтись нельзя. Где документальные подтверждения культурно-исторического торжества на определенных стадиях развития мировой цивилизации «индивида», «логоцентрика» и «личности», тем более союза первых против «личности»? Подобные рассуждения сближают автора книги с взглядами Л.Н. Гумилева, являя собой новый идейный двигатель для его «пропеллера пассионарности». Думается, что принцип двойственности бытия, открытый кроманьонцем десятки тысяч лет назад, всегда доминировал в общественно-политическом сознании, используя в качестве краеугольного камня для всех социальных мифов. А власть, обладая инклюзивным характером, в зависимости от принятых ею в разное время ценностей и целей диктовала свою непреклонную волю массам, заставляя их быть или не быть логоцентриками.

Список литературы

Андреев И.Л. 2012. *Современное представление о человеческом сознании*. М.: Научный эксперт. Вып. 4. 176 с.

- Лебедев Д.А. 2012. *Возможность и вероятность нравственной глобализации мира*. М.: Научный эксперт. Вып. 9. 112 с.
- Лосев А.Ф. 1990. *Из ранних произведений*. М.: Правда. 656 с.
- Пелипенко А.А. 2014. *Глобальный кризис и судьбы Запада*. М.: Знание. 220 с.
- Соловьев А.И. 2011. *Нравственное государство: замыслы и реальность. – Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. Т. 4. Вып. 4.

ASONOV Nikolai Vasil'evich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Cand.Sci.(Hist.), Professor, Deputy Head of the Chair of Political Science and Sociology, Moscow State Pedagogical University (119991, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya st, 1, bld. 1; nbassonov@yandex.ru)

OBJECTIVISM AND POLITICAL IDEOLOGY

Abstract. The article is based on the author's reflections about the new book, written by A.A. Pelipenko. This book is devoted to the analysis of the origins and specifics of the global crisis as well as to the analysis of the possible vector of development of the West. The author believes that the stages of this crisis and the role of the Western states deserve a serious attention. And it should be studied from the standpoint of objectivism without ideological myths.

Keywords: political ideology, objectivism, civilization, West

ЛЮБЛИНСКИЙ Виктор Викторович – д.полит.н., заведующий сектором сравнительного анализа социальной политики Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Крижижановского, 24/35, корп. 5; lyubl.victor@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА. ВЗГЛЯД ИЗ МОНГОЛИИ

Аннотация. Статья представляет собой размышления автора над книгой известного монгольского ученого-экономиста и политика Н. Баяртсайхана. В центре внимания автора – особенности рыночных реформ Монголии, их эффективность, экономические и социальные последствия, происшедшие изменения в сфере распределения богатства, собственности и доходов. Рассмотрены подход государства к регулированию социально-экономического развития, бюджетная, налоговая и социальная политика.

Ключевые слова: государство, рыночные реформы, приватизация, собственность, социальное и экономическое развитие, традиционный сектор, дифференциация доходов, налогообложение, социальная политика, инновационное развитие

Недавно вышла в свет монография известного монгольского экономиста и политического деятеля Надмида Баяртсайхана, посвященная проблемам трансформации государственного регулирования экономики в Монголии [Баяртсайхан 2013]. Работа монгольского ученого, безусловно, представляет и научный, и практический интерес для российского читателя.

Монголия и Россия представляют разные цивилизации, но у них немало совпадающих или близких интересов, определяющих необходимость укрепления традиционно дружеских отношений и расширения сотрудничества в различных сферах. Фактически Монголия во многом повторила алгоритм трансформации общества, который прошла и Россия, особенно в отношении развития экономики и роли государства. Конечно, данное сопоставление весьма условно, учитывая значительные различия условий, экономического и политического устройства, истории, традиций, культуры, социальных отношений. Это один из вариантов восточной клас-